

Вячеслав СОДОЛЬ

1812 Г. В СУДЬБЕ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ МОЛДАВИИ

Православная церковь Молдавии в период османского господства, как в свое время Русская церковь, духовно объединяла население княжества и всячески противостояла попыткам его исламизации или окатоличивания.

С установлением в Дунайских княжествах в начале XVIII ст. греко-фанаритского режима их новая политическая элита стала последовательно проводить политику эллинизации Молдавской церкви. Ее наиболее яркими проявлениями стали подчинение Молдавской митрополии Константинопольскому патриарху, замещение высших церковных должностей преимущественно греками, преобразование местных духовных училищ с молдавским языком преподавания в школы с обучением на греческом. Это вызвало упадок церковной жизни в княжестве. В епископальных городах богослужение совершалось на греческом языке, совершенно непонятном для большинства населения. Несмотря на то, что приходские общины возглавляли священники-молдаване, они оказывали незначительное влияние на свою паству, поскольку сами были недостаточно образованными. В церковно-административном отношении почти все Пруто-Днестровское междуречье входило в состав трех епархий Молдавской митрополии (с центром в г. Яссы): Рэдэуцкой (с 1787 г. центр – Черновцы), Романской и Хушской. Их административные границы не были стабильными и на протяжении только XVIII в. неоднократно менялись. Помимо этого, время от времени христиане Бессарабии, а также левобережья Днестра попадали под окормление иерархов Проилавской епархии¹.

Накануне присоединения Бессарабии к России здесь насчитывалось 775 храмов, из которых лишь 40 были каменными, а остальные – деревянными. Большинство из них находилось в жалком состоянии, требовавшем реконструкции. В них служили 1274 священнослужителя, национальная принадлежность которых отражала этническую пестроту верующего населения Пруто-Днестровских земель (992 молдаван, 215 русских, 38 украинцев, 9 сербов, столько же поляков, 2 болгарина и 1 русин)². В связи с тем, что в одном приходе нередко служили несколько священников, уровень благосостояния

представителей низшего духовенства был крайне низким и соответствовал таковому у местных крестьян.

Монашеская жизнь также находилась в упадке. Одной из главных причин этого церковные авторы называют отсутствие в монастырях «общежития», следствием чего становилось развитие личной собственности монашествующих. Монастырские правила не соблюдались, идеалы аскетизма были забыты. Помимо этого, часть молдавских обителей была «преклонена» святым местам Афона и Иерусалима (на территории Бессарабии – 4). Такие обители управлялись присылавшимися игуменами-греками, которые бесконтрольно распоряжались богатейшими монастырями, не заботясь об их благоустройстве. По меткому замечанию епископа Арсения (Стадницкого), *«исходным и конечным пунктом их деятельности была забота о личных материальных выгодах»*³.

Если ранее, лишившись политической независимости, Молдавия все же сохраняла своего митрополита, а в его лице – связующий и объединяющий центр, то с потерей внешних символов единства и самостоятельности перед народом страны возникла прямая угроза потери национальной идентичности, превращения его в разрозненные группы, не имеющие представления ни о каком высшем органическом единстве.

В этих условиях становятся понятны те патриотические порывы местного населения, которое, стремясь избавиться от османского господства, всячески пыталось помочь русским войскам в ходе войн России и Турции, особенно в ходе войны 1806–1812 гг. Как сообщал в одном из донесений главнокомандующий русской армией И.И. Михельсон, *«... вступление наше в здешний край сопровождается очевидною радостью и удовольствием здешнего народа и духовенства...»*⁴. Эти устремления были поддержаны и высшими церковными иерархами Бессарабии. В одном из посланий на имя Александра I, написанном в августе 1807 г. и подписанном 20 боярами и епископами во главе с митрополитом Вениамином Костаке, говорилось: *«Истреби несносное правление, дышащее угнетением бедному сему народу. Соедини правление земли сей с Богохранимою державою Твоею... Да будет одно стадо и один пастырь, и тогда да наименуем – сей есть золотой век состояния нашего». Сие есть, от всяя души, общее народа сего моление»*⁵.

По вступлении в Молдавию русских войск назначенный Портой господарь А. Мурузи бежал в Константинополь, а управление княжеством было поручено русской администрации. Вслед за этим княжества были подчинены Русской церкви, а 27 марта 1808 г. экзархом Святого Синода в Молдавии, Валахии и Бессарабии был назначен митрополит Гавриил Бэнулеску-Бодони⁶.

Таким образом, на территорию Пруто-Днестровского междуречья была распространена юрисдикция Русской православной церкви. Однако это не стало полным подчинением местного православного населения воле российского Синода. Напротив, уже титулование Гавриила Бэнулеску-Бодони экзархом Молдо-Влахийским подразумевало приобретение особого правового статуса церковной организации края в составе Русской церкви. В дальнейшем на сравнительно длительный срок (вплоть до 1830-х гг.) Кишиневско-Хотинская епархия пользовалась значительной степенью самостоятельности. Более того, после подписания Бухарестского мира экономическое положение институтов православной церкви в крае улучшилось.

По окончании войны, на основании Бухарестского мира, за духовенством была сохранена земельная собственность. Более того, по указу 1817 г. *«...имения, состоящие во владении заграничных монастырей, не подлежат никакому изъятию и на основании [Бухарестского] трактата пользуются такою же свободой, какая дарована прочим частным владельцам»*⁷. За местными монастырями и церквями также сохранились все права и льготы, которые они имели до 1812 г. В «Уставе образования Бессарабской области» (1818 г.) также подтверждалось, что *«духовенство господствующей греко-восточной религии будет пользоваться всеми теми привилегиями и фундушами, достоянию церковному посвященными, какие приобрело оно по грамотам молдавского правительства..., и что всякое имущество, принадлежащее собственно церквям и монастырям Бессарабской области всех вообще вероисповеданий, как-то села, деревни, хутора, рыбные ловли и другого рода пожертвования, грамотами или записями утвержденные, остаются вечно их собственностью и охраняемы будут на правах казенного имущества»*⁸. Таким образом, религиозные учреждения края получили благоприятную возможность для своего социально-экономического развития, чем не преминули воспользоваться. Если экономическая сила русских монастырей была подорвана секуляризацией земель, то в Бессарабии духовенство не только сохранило свои земли, но и значительно их расширило. В течение первой половины XIX в. землевладения местных монастырей возросли с 30 тыс. до 66,5 тыс. десятин⁹. К 70-м гг. XIX ст. монастырское землевладение в крае составляло свыше 311 тыс. десятин земли¹⁰.

Как известно, с 40-х гг. XIX в. в Запрутской Молдове начались ограничения в отношении монастырской собственности, а в 1863 г. по реформе А. Кузы духовные вотчины были секуляризованы. Эта политика нашла свое отражение и в Бессарабии, где цар-

ское правительство ограничило хозяйственную деятельность заграничных монастырей, доходы имений должны были вкладываться в русские кредитные учреждения. Позже, в 1873 г. все имения заграничных и местных монастырей были переданы в управление Министерства государственных имуществ, но права и привилегии их сохранились¹¹. В дальнейшем благосостояние церковных учреждений края еще более возросло. В 1917 г. в Бессарабской губернии насчитывалось 25 монастырей, в которых подвизалось 1020 чел. Во владении обитателей находилось 182 268 десятин земли¹². Более того, бессарабский архиерейский дом владел 154,6 тыс. десятин земли и занимал таким образом первое место по размеру земельных владений среди всех церковных организаций Российской империи того времени.

Знаковым событием в духовной жизни Бессарабии стало введение в местных монастырях с начала 1820-х гг. общежительного устава, разработанного поначалу для Нямецкой обители Запрутской Молдавии видным церковным деятелем Паисием Величковским. Этот шаг позволил оздоровить моральную обстановку в бессарабских монастырях и повысить авторитет этих учреждений среди верующих епархии.

Важным направлением развития местных церковных учреждений было постоянное снабжение их религиозными реликвиями. Так, уже в 1817 г. было удовлетворено обращение митрополита Гавриила в Священный Синод с просьбой прислать святые мученические мощи в храмы епархии. В 1866 г. недавно основанный Ново-Няецкий монастырь приобрел у патриарха Константинопольского Кирилла II серебряный с позолотой крест с частицей Креста Господня и кусочками камня от Гроба Господня, а также с частицами мощей св. Модеста, иерусалимского патриарха, и св. мученика Харлампия. Подобные реликвии приобрели Жабский, Каларашский, Добрушский монастыри и др.¹³

После присоединения Бессарабии к России для культурной миссии последней открылось новое поприще. Дело в том, что на всей территории края не было ни одной школы. Еще на стадии подготовки проекта создания новой «Заднепровской епархии» Гавриил Бэнулеску-Бодони, объезжая бессарабские приходы, обратил внимание на крайне низкий образовательный уровень местного духовенства и паствы. К его огромному сожалению, почти все места священнослужителей были заняты безграмотными либо малограмотными лицами, которые не имели никакого воспитательного влияния на прихожан. Даже местная знать, бояре «не могли приобрести ни нужных сведений, ни составить себе нравственных правил, дол-

женствующих руководствовать истинно благородного человека»¹⁴. Первоначально для решения этой проблемы были организованы популярные в то время ланкастерские школы при Курковском, Добрушском, Гиржавском монастырях, а затем и в уездных центрах – Кишиневе, Бендерах, Аккермане¹⁵.

Однако их деятельность не могла удовлетворить потребности руководства епархии в грамотных кадрах, поэтому Г. Бэнулеску-Бодони считал крайне необходимым основание в ней семинарии, где будущие священники получали бы столь необходимое им образование. Слушателей новой семинарии, открытой в 1813 г., собирали по всей Бессарабской области, при наборе отдавая предпочтение детям священнослужителей, «...для которых наипаче сии школы учреждаются». Однако призыв митрополита Гавриила на первых порах не нашел должного отклика в среде духовенства, о чем свидетельствует состав семинаристов – в 1813 г. из 53 учащихся лишь 7 были детьми священников. В связи с этим Бэнулеску-Бодони пожелал, чтобы в семинарии учились преимущественно дети духовных лиц, для чего был направлен ряд специальных распоряжений, например указ 1815 г., грозивший наказанием тем священнослужителям, которые не отправят своих детей на учебу в Кишинев. Это возымело действие, и уже в 1817 г. из 152 семинаристов 69 были детьми священников.

Поскольку основанная Гавриилом Бэнулеску-Бодони Кишиневская семинария долгое время была единственным учебным заведением в крае, то она стала источником образования для детей всех сословий. По просьбе губернатора Стурдзы и с высочайшего соизволения в 1816 г. при семинарии был учрежден Благородный пансион. В нем обучались дети бессарабских дворян, которые после пятилетнего обучения выпускались в чине 12-го класса и могли вести делопроизводство как на молдавском, так и на русском языках. Никакой платы за обучение детей светских лиц не взималось. В качестве среднего духовно-учебного заведения Кишиневская семинария сослужила службу не только самой Бессарабии, но и значительной части Херсонской губернии, часть уездов которой (Тираспольский, Ананьевский и Одесский) вплоть до 1837 г. в церковном отношении входили в состав Кишиневской епархии¹⁶.

Уже через год после своего открытия Кишиневская духовная семинария наладила связь с Комиссией духовных училищ и стала осуществлять контроль над всеми частными учителями и воспитателями. Это также содействовало повышению уровня образованности населения. В 1837 – 1844 гг. в Бессарабии благодаря деятельности епископа Кишиневского Дмитрия Сулимы были открыты 326 приходских школ, в которых обучались более 5 тыс. учащихся¹⁷.

Важным направлением деятельности митрополита Гавриила стало создание типографии во вверенной ему епархии. Обосновывая ее необходимость, он отмечал в своем прошении Святейшему Синоду: «... обращая внимание на вверенную мне паству, усмотрел я, что как приходские здешние церкви, так монастыри и скиты не только не имеют духовных книг, служащих к наставлению священников и христиан, но даже нуждаются в необходимо-потребных к исправлению богослужения, потому что... здешнее молдавское духовенство принуждено было покупать церковные книги, большей частью напечатанные в австрийских владениях. А как книги тамошние – печати униатской, кроме замеченных погрешностей в языке, содержат учения и наставления, с положением православной церкви несходные... Я покорнейше испрашиваю благословения на открытие... в здешнем краю типографии и позволение печатать в ней потребные для служения, а равно для поучения и наставления как духовенства, так и прочего православного народа духовные книги на славянском и на молдавском языках»¹⁸. Торжественное открытие новой типографии состоялось 31 мая 1814 г. Первыми изданиями, отпечатанными в ней, стали буквари на молдавском и славянском языках, потом сотрудники типографии приступили к выпуску богослужебной литературы. В 1815 г. был издан «Служебник», затем «Часослов», в 1820 г. – «Молебник и чин освящения церквей», после чего последовательно выпущены «Псалтирь», «Общая Минея» и др.¹⁹ Только за первые четыре года существования Кишиневская типография издала около 20 тыс. книг на церковнославянском и других языках, в том числе молдавском. После длительного перерыва (с 1820 по 1853 г.), вызванного отсутствием спроса на новые богослужебные издания, работа типографии возобновилась. С 1854 по 1882 г. здесь были изданы «Анфологион», «Евангелие», «Церковный устав», «Октоих» и др.²⁰ Примечателен факт, что типография удовлетворяла не только богослужебные нужды бессарабской паствы, но и выполнила миссию общерумынского духовного издательства после осуществления реформы секуляризации церковных имуществ при А. Кузе.

Таким образом, за несколько десятилетий, прошедших после заключения Бухарестского мира, православная церковь Бессарабии, ставшая органической частью Русской церкви, сделала качественный скачок в своем развитии. Она значительно укрепила свою материальную опору, расширив земельные владения и включившись во всероссийский рынок. Значительно возрос образовательный уровень местного духовенства, которое сыграло роль своеобразного «локомотива» в деле становления народного образования в крае. Более того, будучи включенным в состав многонационального государства – Российской империи, население Бессарабии избежа-

ло опасности быть подверженным шовинистической пропаганде превосходства румынского этноса, что происходило в Запрутской Молдове. Немаловажную роль в создании атмосферы межнационального мира и гражданского согласия сыграло духовенство Кишиневской епархии. Ориентацию на русское православие сохраняет подавляющее большинство православных верующих и современной Молдовы, несмотря на непрекращающиеся попытки расколоть церковную организацию края.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Popovschi N. Istoria Bisericii din Basarabia în veacul al XIX-lea sub ruși. Chișinău, 1931. P. 2.*
2. *Ibidem. P. 5.*
3. *Арсений (Стадницкий). Исследования и монографии по истории Молдавской церкви. СПб., 1904. С. 345.*
4. Там же. С. 363.
5. Там же. С. 364.
6. Там же. С. 368.
7. Цит. по: *Сымботяну К.И. Социально-экономическое развитие монастырских вотчин Бессарабии в 1812 – 1873 гг. // Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Кишинев, 1969. С. 19.*
8. Там же. С. 20.
9. Там же. С. 22.
10. Там же. С. 35.
11. Там же. С. 21.
12. *Русское православие: веки истории. М., 1989. С. 556.*
13. *Бабилунга Н.В., Бомешко Б.Г. Курс лекций по истории Молдавии. Лекция VI. Бессарабия в составе России. Тирасполь, 2007. С. 120.*
14. *Халиппа И. Очерк истории народного образования в Бессарабии в первой половине XIX в. // Труды Бессарабской губернской ученой архивной комиссии. Кишинев, 1902. С. 119.*
15. *Пархомович А. Преосвященные викарии Кишиневской епархии // Кишиневские епархиальные ведомости. № 40. Кишинев, 1908. С. 1448, 1449.*
16. *Халиппа И. Очерк истории... С. 122.*
17. Там же. С. 180.
18. *Матеевич А. Молдавское церковно-богослужбное книгопечатание в основных моментах его истории. В кн.: Mateevici A. Opere. În 2 volume. Vol. 2. Chișinău, 1993. P. 337, 338.*
19. *Ibidem. P. 340.*
20. *Ibidem. P. 347.*